

РОССИЙСКАЯ ПОДОРОЖНАЯ

Самолет Мюнхен-Москва. Фантастический мост меж двух миров...

Прилетаешь – и реальность иного мира меркнет, точно так же как по возвращении померкнет реальность этого. И ты с удивлением обнаруживаешь, что здесь все еще течет та же самая жизнь, что и раньше, что она текла и вытекала по капле все это время, пока тебя тут не было, но так и не вытекла до конца...

Что ж это за Черная Дыра такая? Здесь падение и барахтанье длится целую вечность... А для стороннего наблюдателя с Запада ты шагнул – словно канул – и нет тебя, и не дойдут до него отсюда ни твои жесты, ни твои крики...

Возвратишься на старое место – и неизбежно поймешь, что тот же трюк в отношении времени не пройдет. Можно, конечно, побродить по старым, хорошо знакомым местам, где столько пережито – но вот уж где ты действительно ощутишь себя призраком! И встреча с твоими старыми знакомыми – это встреча лишь с тенями и поблекшими фотографиями, которая мало что изменит. Все проживают свою судьбу, и, за исключением немногих, разбегаются как галактики, все дальше и дальше. Не удивительно, что именно те места, с которыми связана часть жизни, становятся особенно чужими – ведь их населяют теперь иная реальность, иные существа... Протянуть к ним руку еще, может быть, и можно, но она наверняка пройдет насквозь и ни с кем не встретится. Есть такая расхожая мысль: мол, что умереть придется – это ясно, но вот жаль не увижу, что будет потом... Какой чудовищной пыткой было бы – подсматривать в глазок, без возможности даже постучаться в дверь!..

Но все равно ты напишешь «тут», имея в виду Москву, и «там» – подразумевая за границу. Хотя твой дом, в сущности, уже давно именно там. И тебе там, в общем-то, совсем неплохо – как и многим другим выходцам из России – даже вполне удобно, поскольку все они движутся явно быстрее окружающей среды – хорошо организованной и благополучной, но оттого-то и жутко инертной. Но ты запутаешься, пытаясь описать все это из своего *там*, пытающегося стать твоим *тут*. Ну, например, так: «Тот, кто уехал из России делает теперь *там* вид, что он *тут* кем-то был, а кто приезжает оттуда обратно в Россию, делает *тут* вид, что он уже успел *там* кем-то стать...»

То ты тут – то ты там, то ты тут – то ты там, тотытут – тотытам, тоты...

И ведь чувствуешь всеми порами, что здесь, в Москве, ты именно «тут», но никак не поймешь – в чем же, собственно, разница? В воздухе? в языке? И как объяснить тамошним друзьям этот мир, когда он стал тебе таким чужим, что и ты сам в нем уже разобраться не можешь – разве что интуитивно чувствуешь? Это тебе не благоустроенный зоопарк, в котором на клетке жирафа написано «жираф», а бегемот работает бегемотом. Тут ни клеток, ни вольеров, ни надписей. И чешет мимо тебя какой-нибудь тщедушный с виду дипломированный козел, и если не взглядишься, то и не заметишь зажатую в его клешне дорогую мобилу, его отвратительную волчью пасть и торчащие из нее копыта носорога... Такому лучше не попадайся. И не верь глазам своим!

А бывает и так: случайная попутчица с сияющими глазами начнет ни с того ни с сего выкладывать тебе всю свою жизнь. А ты слушаешь, и все никак не можешь взять в толк – да как же это? Как случилось, что вся эта череда страшных несчастий поразила одного человека? Все это вынести – и не свихнуться, не наложить на себя руки, да еще сохранить такой свет в глазах?..

И это еще более непостижимо...

Орфей в царстве мертвых

Москва! Как много в этом... Просто полным-полно!

Запросила душа чего-то низменного, потянуло на дерьмецо – съел чебурек на улице. Причем даже не доел, а так – покусал и бросил. Пошел в грандиозный Храм Книги. Такое изобилие, которое и не снилось в те времена, когда еще хотелось читать! Выбирал-выбирал – вдруг чувствую: увы, не до книжек мне, несчастному, боле! Тянут, зовут куда-то утробные голоса, заклинают поторапливаться – во имя Чебурека, будь ему неладно! Кинулся туда, сюда – картинка неутешительная: все только для души. Быстро что-то из книжек схватил, оплатил – и мигом в умопомрачительно фешенебельный Новоарбатский, что через дорогу. Все дела: секьюрити, золото-бриллианты и полный, как говорится, эксклюзив! И что приятно удивляет – эксклюзив даже с клозетом в подвале! Спустился... Там, за дверями, всего в нескольких метрах – разряженная толпа и блеск витрин, а тут... Шок наступает сразу – при взгляде на эти зияющие метафизические пустоты в полу, в которых угадывается угрожающее колыхание некой праматерии... Туалетной бумаги, ясное дело, нет – стиль выдержан до конца. Подумайте сами: черные дыры с открывающимися безднами мироздания – и какая-то там туалетная бумага фабрики “Большевичка“ или “Harry End“! Нет, все должно быть строго и возвышенно, подчеркивать загадочность и экстремальную устремленность русской души...

Бросился наверх, в супермаркет. Купил ее, презренную. А заодно проявил чудеса сообразительности, оставив кейс в камере хранения и прихватив пакет, куда кожаное пальто сунуть можно – крючков ведь тоже нет. Все максимально приближенно к первозданной натуре, погружает в особую атмосферу, в которой душа рвет привычную укорененность во времени (начало XXI) и пространстве (третий Рим), осуществляя скачок в надличное и вечное... Воистину, «сый и прежде сый»!..

Но так как сам процесс трудно поддается описанию – для этого наш язык слишком беден – то перейдем сразу к драматической развязке. Попытка смыть следы преступления не увенчалась успехом. Струя живительной влаги, не осквернив себя соприкосновением с недостойными отходами человеческого существования, промчалась по неожиданной траектории и выплеснулась непосредственно на мои ботинки. Не обнаружив иных подручных средств и почувствовав себя бессильным в борьбе со стихиями, я решил тихо покинуть сию юдоль скорби. И тут (тут как тут, откуда ни возьмись!) – уборщица без ступы, но с метлой. И такая же красавица. Постоянно бурча что-то нелестное про весь род человеческий, эта скрюченная карга сразу же хмуро заглянула с инспекцией в мою кабинку и, узрев суть, выразительно, как бы призывая невидимую публику в свидетели, провозгласила со своих подмостков с обличительным пафосом: «Во мужик насрал-то!».

Я так и не понял, что она ожидала там увидеть – возможно, старуха рассчитывала, что я несу золотые яйца. Оставив это злобное исчадие подземного царства наедине с подвластными одной ей стихиями, я, осквернитель святынь земли Русской, счел за благо поскорее ретироваться и вернуться в мир блеска и нищеты буржуазии...

Общие места

Ох уж мне эти туалеты, с дырками в полу вместо унитазов! Видать, неслучайно я начал с этого незатейливого символа России... Только как-то совсем уж некстати вспоминаются мне камеры карцера в страшном концлагере-музее Дахау – с настоящими унитазами, сидениями на них и держателями туалетной бумаги... Додумать до конца это противопоставление у меня просто не хватает воображения.

Вообще-то, места общего пользования бывают разные – скажем, залы ожидания, библиотеки, столовые... В конце концов – даже спальни. Но бывают еще такие очень специальные места, которыми тоже все пользуются, но где человек чувствует себя особенно

одиноким и отвергнутым... И они, эти места, не радуют! По крайней мере, в моем отечестве. И даже в его такой не по годам развитой столице.

Ну, не созданы туалеты в России для радости! Зато развлекают. Причем, иногда кажется, что они только для этого и существуют.

Причем каждый развлекает по-иному – никогда нельзя предугадать, с чем ты столкнешься. Вот, например, заходишь в кабинку, построенную явно с таким расчетом, что присутствие человека там не то чтобы необязательно, а просто-таки невозможно. Попытка закрыть за собой дверь приводит к падению «на» или «в» – в зависимости от ваших габаритов. Это если стоя. Сидя же дверь вообще не закроешь: мешают колени. Единственная возможность – оседлать предмет, повернувшись к предмету передом – лицом, так сказать, к лицу, – а к двери задом. Действительно, почему бы хоть разок в жизни не почувствовать себя лихим наездником!..

Зато в аэропорту Шереметьево, если оба имеющихся заведения не закрыты одновременно на уборку, даже крючок есть. Хоть с виду и хлипкий и держится из последних сил, но – молодцом: с честью выдерживает куртку, пиджак, сумочку на ремне, шарф и ко всему в придачу еще и берет. Но вот проблема: маленький чемоданчик, набитый книгами и нотами, поставить решительно некуда. Ну не на пол же, в самом деле! Ведь на него, как всегда, лучше не смотреть. А что, если на бачок? («Придет серенький бычок и ухватит за бачок...»)

Еле-еле уместился чемоданчик. Опасно балансирует...

Смотри-ка, даже бумага есть! Правда, больше похожая на наждачную. Тут же мелькает озарение: люди здесь отличаются особой закалкой! Да и как же иначе, если все делается через это самое место... Действительно, «гвозди бы делать», а потом закалять и наждачком зачищать...

Сошедшее на меня умиротворение держится недолго: ну, так и знал! Чемоданчик заваливается на меня, и теперь я поддерживаю его спиной. Помилуйте, я же не цирковой эквилибрист! Держать спиной чемодан, придерживать брюки да еще совершать некие ритуальные действия в этом положении?..

А встать-то как? Додумай эту сцену сам, читатель, если у тебя хватит воображения...

Моему знакомому из Праги повезло еще меньше. И ведь не где-нибудь настиг его голос природы, а во вполне приличном московском офисе одной ризлтерской фирмы. Это пикантное заведение было полной противоположностью как нормальному, так и усеченному варианту: длинная такая узкая кишка, а поодаль высится теряющийся в дымке трон...

Но вот пол... И крючок, как назло, не предусмотрен – вероятно, мера профилактики суицидных поползновений клиентов. Куда ж девать дорогой пиджак? А повесить его на ручку двери!

И вот, только он устраивается на троне – в ту же секунду кто-то дергает ручку двери. Пиджак валится на грязный пол. Черт с ним, с пиджаком – все равно не дотянуться – но где же бумага???

И тут некто снаружи по непонятной причине гасит свет...

Как вам такая картинка? мне – так просто загляденье! Узкая длинная каморка, далеко впереди пиджак на грязном полу, бумаги нет – и полный мрак...

А вот приличное место – Дом Журналистов: «Домжур» или «Журдом», как его называют. Помимо концертного зала – кафе абсолютно советских времен, всегда таинственно занятый и запертый банкетный зал, огромная современная стеклянная едальня в выкопанной во дворе странной траншее, но самое главное – сипматичный ресторанчик в подвале, с биллиардом, шахматами и великолепной пианисткой, кайфующей от своих собственных элегантных импровизаций. Обычные москвичи, а тем более приезжие, туда не заходят – одни лишь осведомленные, поэтому там всегда тихо и уютно. Очень советую!

Правда, как всегда нехорошо удивил туалет. Даже как-то совсем нехорошо. Ну, не будем о грустном...

И как раз во время моего посещения одного стоят там у раковины два мужика средних лет и жутко совковой провинциальной наружности, один высокий, а другой кургузый и плешивый, оба

в невзрачных костюмчиках. Стоят молча и намыливают руки. И вдруг плешивый, ни с того ни с сего, начинает декламировать какие-то вирши.

Как я уже не раз замечал, туалеты в России вообще способствуют аккумуляции абсурда. Бодрое четверостишие начиналось с прекрасной погоды и весеннего настроения и плавно заканчивалось... гондоном. Собственно говоря, ничего особенного – банальный художественный прием. Но кто были эти люди? Участники слета бывших советских журналистов, выброшенных на помойку истории? Имели ли они отношение к действующей братии, или просто потянуло в Домжур, поближе к культуре – справить нужду?..

Но вот что удивительно: когда часа через полтора, выпив с друзьями изрядное количество сока и кофе, я снова отправился навестить это царство абсурда, там вновь стояли двое. И оба намыливали руки. И, повернувшись к ним спиной, я снова услышал тот же стишок. Это было вовсе не дежавю, а та же самая Весна с гондоном! Я изумленно обернулся: декламировал тот же, кургузый и плешивый, а рядом с ним – какой-то новый персонаж...

Вот теперь я и гадаю: был это какой-то секретный код? интересный способ завязывания нового знакомства? или же человека просто переполняли весенние чувства?

Холодно-горячо

От Москвы до Новгорода Великого, казалось, рукой подать: всего-то одну ночь в поезде пережить. Но нас ведь хлебом не корми – а какой-нибудь хотя бы заваливающий контрастец вынь да положь. Причем без садомазохизма тут не обходится. Пусть мне будет плохо, лишь бы другим было нехорошо. Поэтому если уж включать в вагоне отопление – то так, чтобы прошибло до последнего, предсмертного. И если нам чего не хватало – то лишь березового веничка, а так температура держалась до утра за тридцать. Этакая коллективная микроволновка на колесиках, на каждой полочке – голенькое тельце в трусиках, без всяких следов насилия, только струйки пара вьются.

Но вот что не лишено интереса: тамбур был отдан во власть совершенно иных стихий. Я уж даже подзабыл, как это бывает, вышел без должной психологической подготовки покурить и – остолбенел, попав с лету даже не в заколдованное царство Снежной Королевы, а в жуткую по своей прозаичности холодильную камеру из американского триллера, со льдом и инеем по окнам и стенам, где назойливая метель порошит глаза колкими снежинками, врывающимися из всех щелей в теплое чрево мчащегося в ночи вагона... Пространство съеживается, весь мир в одном вагоне, от Экватора до Полюса тут всего лишь шаг, совсем как от великого до смешного.

Ну, как было после этого, вернувшись в райские кущи, не опустошить все запасы съестного и не поддаться на уговоры соседа «раздавить пузырь»? И вспоминать все те дивные истории, которые происходили со мной в поездах...

... Мои родители еще молоды, и мы всей семьей отправляемся на юг. Двое суток нам трястись в старом, грязном, но все равно милом вагоне. Вот только уголь для приготовления мутного и пахнущего старой половой тряпкой титанового чая во всем поезде закончился. Нас пугают некипяченой водой, и пить совсем нечего. Спасаясь от нытья детей и зудения жен, озверевшие отцы семейств вырываются на короткой стоянке из вагонов и, рискуя отстать от поезда и застрять в этих необозначенных на карте местах навсегда, коротким набегом опустошают вокруг станции все способное к горению, волоча даже грубо выломанные куски заборов...

... А вот я в поезде дальнего следования – стою у окна, ожидая отправления. Страшно чертыхаясь и всех толкая, бегают туда-сюда люди с перекошенными лицами: какой-то оркестрик едет на гастроли, а их инспектора с билетами до сих пор нет – видать, проспал с перепоя. Делать нечего, и в последнюю минуту музыканты вместе с инструментами и багажом вылезают из вагона, изощряясь в проклятиях в адрес пропойцы. Поезд трогается. И тут, запыхавшись, из соседнего вагона влетает расхристанный, совершенно обезумевшего вида человек – по нему

заметно, что бежал он через весь поезд. В руке зажата пачка билетов. Напоследок они еще успевают друг друга увидеть – он и те, что стоят на перроне...

... А тут я собрался в Свердловск к своей подружке. Вхожу в битком набитый купейный вагон – все проходы запружены бесчисленными баулами и тюками. Пытаюсь протиснуться в купе. Мое появление вызывает гомерический хохот всех присутствующих. Пока я недоумеваю, меня поздравляют: в этом купе я – двенадцатый! Но и в остальных не лучше: билеты в этот вагон были проданы трижды. Шустрые проводницы разбирают себе приглянувшихся самцов, а женщин и детей пытаются рассовать по другим вагонам. Теперь в каждом купе нас всего по восемь. Такая ночь не забывается: мужик, с которым я сплю валетом на верхней полке, норовит поковырять пальцами ног у меня в носу. Этим, правда, моя с ним близость и ограничилась. «С легким паром!» – приветствовали друг друга взмокшие и помятые после бурной ночи случайно породнившиеся попутчики...

Вот и сейчас я – в такой же парилке. Что ж остается? – снова страдать, страдать и вспоминать о прикосновении к раскаленному лицу ледяной ладони – там, в заснеженном тамбуре... Со всем этим примиряет бессонной лунной ночью лишь сказочный пейзаж за окном: бесконечные пространства лесов в инеи и игрушечные, осыпанные белоснежным сахаром хижины. О, это очарование!..

Его нарушает только постоянное нервное мелкое дрожание поезда. Кажется, он что-то против меня замышляет. Не задумал ли он этими отвратительными желудочно-кишечными содроганиями исторгнуть меня из моего убежища? Меня снова прошибает испарина. Не об этом ли у Иоанна? «О, если бы ты был холоден или горяч! Но поелику ты тепел, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих...»

Кто тут за героя?

Зачем я поехал в Новгород? – А зачем вообще все в жизни происходит? Вот именно. Самое главное в этом деле – никогда не испытывать разочарования. В Новгород меня взяли, как берут в багаж лишнюю рубаху, то есть как рубаху-парня: места лишнего не займет, а вдруг пригодится.

Как играет Саша, я слушал только в записи, а тут можно было этого большого музыканта, ученика Григория Соколова, взять живьем. Ну и поехал. По дороге он меня развлекал непридуманными рассказами из нынешней жизни музыканта, педагога столичного Института с громким именем А. Шнитке. Вот приходит к нему ученичок очень «общего» фортепиано, вооруженный по последнему слову техники «мобилой», пальцы веером, штаны спущены явно ниже ватерлинии. «Я, - заявляет, - сейчас, короче, типа Скрябина сыграю». Пока может, Саша слушает, а когда терпение лопается, растопыривает точно также свою аппликатуру и говорит: «Ты мне, типа, Скрябина короче играл, а Скрябина надо не короче, а, типа, длиннее играть! Понял?» Вот приблизительно на таком уровне и происходит осеменение разумным, добрым и вечным.

...Сойдя с поезда, сразу попадаешь на чемпионат России по фигурному катанию без коньков. Поначалу недоумеваешь – что, у всего народонаселения внезапное обострение геморроя? или все сплошь решили последовать совету японцев и ходят, зажав йену между ягодицами? Но когда сам пытаешься тронуться по этой стезе, этим горбатым от вечного льда улицам, предательски запорошенным свежим снежком, сразу понимаешь: выжить и избежать тяжелых увечий можно, только будучи японцем! Ну и пусть там йена – по крайней мере, все остальное цело будет.

Саша собирался играть благотворительный концерт в подозрительном уже одними скобками «Доме детского (юношеского) творчества» имени какого-то революционно-коммунистического Голикова (не Гайдара – какого-то другого), выставленного для всеобщего обозрения тут же в вестибюле в красноармейской шапке, но без рук – видно, зверски замученного. Сходства с Венерой Милосской, тем не менее, не возникало, что, в общем-то, понятно: у Голикова не было и ног. Рядом же с этим изуродованным героем висела наряденькая афишка Рождественских концертов, подготовленная этим Домом (творчества), полностью перепрофилированным под отправление модных религиозных нужд народа.

Настройщик уже успел побывать и отбыть. Работники Дома проводили широкомасштабную операцию по сгону детей со всех нижних этажей в верхний зал, откуда выхода уже не было – дальше и выше только Господь наш Бог и дух героя Голикова. Увидев рояль, я отправился к переодевающемуся Саше задать ему между делом вопрос, как бы он отнесся к тому, что, короче, зал у него будет, типа, слева. Получив ожидаемый ответ, плохо переводящийся на литературный язык, я, призвав на помощь все взрослое население Дома в количестве трех человек, принялся разворачивать инструмент. Тогда я был еще наивен и не осознавал, что сдвинуть-то горы можно, но вот нужно ли? Рояль явно проходил по графе «недвижимое имущество». Передняя левая была совсем нехороша. Даже более того - она была совершенно расколота и удерживала всю эту тушу скорее по инерции. Оказавшееся тут как тут Ответственное Лицо тут же схватилось за ногу, распорядившись, чтобы мы одновременно – с этим Лицом и той ногой – поднимали все остальное. Осуществив по примеру юного Булгакова эту гинекологическую операцию «поворота на ножку» и подставив под нее, покалеченную, хлипкий стульчик, Ответственное Лицо удалилось, демонстрируя всем удовлетворенное до конца чувство перевыполненного долга. «Так вот почему у Голикова ни рук, ни ног! - блеснула у меня внезапная мысль, - Видно, дал особенно неудачный концерт...» Поначалу-то я решил, он просто по городу без йены прошелся...

Я снова отправился к Саше и, стараясь его не очень волновать перед концертом, сказал: «Судя по всему, этот концерт станет твоим последним! Зато есть реальный шанс попасть в историю. Возьми помощнее последний аккорд в Рахманинове – роялька-то и рухнет! Нет, ей Богу, представляешь? И пресс, и пресса тебе обеспечены!»

...Что сказать еще про него, бедного, колченогого? За свою жизнь я не встречал подобной палитры. Скрипя, визжа, клацая и булькая, он дребезжал всеми обертонами треснувшего колокола, сипел безголосым удавленником, выл зверем и плакал дитём. Настройщик, если и был, должен был позорно бежать, осознав всю невероятность звучания этого нехорошо темперированного клавира, побивающего даже рояль, хорошо препарированный авангардистами. Но Саша, не обращая ни малейшего внимания ни на него, ни на бесноватых детей в зале, играл бесподобно. Вот он, наш герой, а никакой не Голиков! Это он с угрозой для жизни несет культуру в массы за свой счет и вопреки их желанию...

После концерта мы пожали друг другу руки, и Саша сказал мне: «Спасибо, дружище, за предупреждение! Видел, как я перед Рахманиновым от этой рояльки отодвинулся? Все-таки рано мне еще под прессу...»

Мой друг – пылесос

Мой друг удивляет неизменно. Вот ведь, вроде, тридцать лет знакомы, а каждый раз попадаюсь! Ненадолго снова в Москве, звоню и предлагаю встретиться в городе. «Ты что, обалдел? А моя жена? Она тогда тебя не увидит!» Странное дело – я бы на ее месте только радовался. Но ответить мне нечего, и я обещаю быть завтра к шести. Приезжаю и попадаю в объятия всегда радушно-равнодушного хозяина (благо, дома ему заботиться не о чем) и совершенно обескураженной хозяйки: «Представляешь, мне Мишенька только десять минут назад сообщил, что ты приедешь...»

Пока хозяйка хлопочет на кухне, мы углубляемся в туман музкультурных дебрей, и друг откровенно сообщает мне, что только-только, как всегда с помощью озарения, открыл еще один, двенадцатый по счету, абсолютно гениальный и несомненно всеобщий закон, который без кавычек я повторить не решусь: «играть надо мембранами ушей, находящимися на кончиках пальцев». Потрясенный силой и новизной этого образа, я не сразу нахожу слова, чтобы выразить глубину смятения всех моих чувств, а потом и вовсе перестаю искать их и спешу отвлечь внимание моего друга какой-нибудь более прозаической темой. Должен сказать, задача эта почти что неразрешима – не такой он простак, чтобы отвлечься на тему, не закрученную тем или иным образом вокруг его отнюдь не прозаической личности. Рядом с ним невозможно не угодить в засасывающий тебя вихрь, в центре которого мощная, повелевающая стихиями фигура – для полного сходства с Моисеем ей не хватает лишь посоха. Вот такой он, мой друг – с львиной бородой, страдальческими радостно горящими глазами и неизменной улыбкой, всегда готовой перейти в раскатистый сумасшедший хохот без удержу...

...Но ситуацию спасают подросшие дети, вожжи краснокожих в законе. Я спрашиваю старшего, помнит ли он, как всего каких-то шесть лет назад он пробирался с зажатыми в руке ножницами на кухню, и, тихо открывая шкаф за шкафом, прокалывал ими пакеты с мукой, солью и гречкой. Оказывается, такие незначительные события детской памятью не удерживаются. Ну, а другое происшествие, свидетелем которого я тоже был – когда вешал на кухне полки, которые странным образом висят и поныне, – с бабушкой и пылесосом? «Расскажи, расскажи!» – вопят дети. Неужто не помнят? Да не может быть! Бабушка этих сорванцов, натываясь на следы их жизнедеятельности, имела обыкновение чуть что всплескивать руками и громко причитать. Однако отпрысков это не только не отрезвляло, а, наоборот, ужасно веселило. Должно быть, для них было особо рафинированным наслаждением слышать истовый вскрик «ах ты, Господи!». И вот как-то раз пылесосит себе бабуля пол в дальней комнате, а наследники в это время уже добрались до папиных видеокассет и живописными кольцами разматывали пленки по всей квартире. Дальше следует быстрая череда звуков: сдавленный вскрик бабушки «ах!», за которым угадывается всплеск рук, далее – звон разбитого стекла, и сразу вслед за ним – истошный победный вопль-дразнилка: «А бабушка люстру разбила! А бабушка люстру разбила! Сама! Сама! Пылесосом!»

Ну, если уж такое забыто всеми, включая и маму с папой, то сколько же подобных событий происходило в этом доме...

Я уже снова собираюсь что-нибудь этакое припомнить, однако мой друг не дает отвлечь себя таким дилетантским способом. Он решительно удаляет детей, усаживается к инструменту и вдохновенно играет, играет и играет, чутко касаясь клавиш находящимися у него абсолютно повсюду мембранами ушей...

Уроки малодушия

В Москве, этом теперь уже странном и во многом чужом для меня городе, я часто становлюсь таким же малодушным, как в детстве. Как тогда, когда мы с одним моим новым соседом по новому дому бежали, бежали без оглядки.

Не думаю, что смогу когда-нибудь забыть это ничтожное происшествие: мне двенадцать, наша семья только что переехала в один из арбатских дворики. Все чужое, да еще квартира напротив стала для меня источником постоянного страха. Не старше меня и даже чуть-чуть ниже ростом, Эдик был вовсе никаким не ребенком, а начинающим фарцовщиком, со страшной мордой и бандитской душой, если у него таковая вообще была. Он жил с отцом-алкоголиком через стенку от моей комнаты. Моя кровать стояла вплотную к этой стене, так что я ночами вслушивался в чужую жизнь с драками, страшными криками и крушением посуды и мебели. Он рос не банальным дворовым хулиганом, а полноценным профессиональным уркаганом, в чем можно было убедиться позднее. С годами он заматерел, голос стал грубым и хриплым, как у Луи Армстронга, потом ему выбили бóльшую часть зубов, но вскоре он уже щерился белоснежной

улыбкой голливудской звезды, и наконец он постепенно стал пухнуть, морально и физически. Ему еще не было тридцати, когда он то ли умер, то ли погиб.

Так вот, в этом новом дворе гулять было очень страшно. Эдик мог появиться не один, а в компании таких же отморожков. Завидя его, мы с моим новым знакомцем, – Игорьком, который был еще младше и слабее меня, – сразу смывались и прятались. В тот раз как-то так получилось, что мы с ним бросились врассыпную, побежали кругами, как зайцы, в обход каких-то построек, и вот я вижу – о ужас! – Игорек выбегает из-за очередного укрытия и попадает прямо в лапы Эдику. Тот кладет моему знакомцу руку на плечо, что-то говорит и ведет прочь. Я стою не шелохнувшись. Я не знаю, что мне делать. Я знаю, что я ничего не сделаю и совершу подлость...

Игорек остался цел и невредим. До сих пор не знаю, что там произошло – скорее всего, ничего. Но это было уже не важно – стыд сжигал меня. Игорек был маленьким и беззащитным, а Эдик – не старше меня. Да он никогда и не нападал на меня – разве только угрожал.

Все это было непереносимо. Ни смотреть Игорьку в глаза, ни расспросить его я не мог. И я перестал дружить с ним. Гулять я тоже перестал. Но первые свои импортные джинсы я потом купил у Эдика...

Твоя первая подлость – она тебе очевидна, она доказана твоим же собственным поступком. Но если ты убедился в своей малодушии, то противостоять уже больше не сможешь. У тебя теперь перебит хребет. Ты теперь готов к еще большей подлости... Безотказный механизм снежного кома: малодушие подкашивает, облепляет тебя, забиваясь в глаза и уши, затыкая тебе рот, делая уже совершенно неспособным к сопротивлению...

Уроки малодушия. Они неотъемлемы о тамошнего существования. Уже взрослого и солидного тебя может запросто выволочить из телефонной будки какая-нибудь пьянь, которой приспичило позвонить, – но вначале ведь было и многое другое: вначале в школе и во дворе тебе выкручивают руки за то, что ты в очках, или жирный, или слабый, или картавишь, потом на юге тебя избивают местные после танцев, в армии же над тобой изощренно издевается фашиствующий красавчик с чистыми, невинно-голубыми глазами... Все это совершенно нормально – так, ей-богу ничего особенного. В общем-то и не страшно, и быстро забывается.

Но страх уже сидит в тебе, готовый вспыхнуть при первой же опасности животный. Но подспудно, но невольно вызревает подлая надежда – надежда выжить улиткой со спрятанными рожками. Как в популярной песенке семидесятых: «ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу»... Так ты становишься полноценным, полноправным и почетным гражданином так ненавидимого тобой государства...

Я приехал навестить свою Родину. Я вдыхаю этот неповторимый, такой знакомый запах московского метро. Я еду вниз, вниз по непривычно длинному эскалатору. Народу почти нет. Только впереди два милиционера держат под руки какого-то пьяного. Потом замечаю, что вовсе он не так уж пьян, поскольку старается что-то объяснить. Его грубо одергивают и подталкивают вперед. Он говорит что-то с жаром, пытается жестикулировать, но его руки ловят и выкручивают за спиной. Я не слышу, что там происходит – гул метро все перекрывает. Но вот лестница кончается. Он делает рывок, освобождается и неловко бежит вперед. Бог мой, зачем же, ну зачем? Да что же он делает?..

Защитники порядка нагоняют его, в их руках дубинки. На его спину, плечи и голову обрушиваются удары, он падает ничком, пытаюсь прикрыть голову руками. Его продолжают с остервенением и смаком избивать дубинками. Он уже не пытается прикрываться. Он лежит уже совсем без движения. Милиционеры устали. Они оставляют его так лежать – уткнувшегося лицом в мраморный пол. Они стоят неподалеку, мирно беседуя друг с другом. Люди проходят мимо и нарочито отворачиваются, ничем не выдавая своего любопытства или сочувствия. Их страх липнет ко мне. Я тоже прохожу мимо...

...Было это в тот же приезд или уже в другой? Я еду в троллейбусе по Тверской. Народу хватает, но не так, чтобы битком набито. Неподалеку от меня стоящий человек, еще не очень старый, вдруг отпускает поручень и как-то мешком сползает на пол. С него скатывается меховая шапка, он вытягивается в проходе, уставившись в потолок. Все брезгливо расступаются. У

лежащего начинаются конвульсии. Он начинает мелко и противно дергаться всем телом. Я с ужасом смотрю: вот она, агония...

Все молчат. Проходит долгая минута. Мы доезжаем до следующей остановки. Я понимаю, что нужно встать, закричать, что-то сделать. Ведь не может же быть так, чтобы... чтобы вот так! И чтобы никто, абсолютно никто, и даже я тоже... Но я прирастаю к сидению, мысли мечутся, и все вокруг одного, вокруг одного: уже поздно, поздно, все равно уже поздно... Ведь скорая по таким вызовам приедет через целую вечность, ведь я не умею делать искусственного дыхания, ведь он уже давно прекратил дергаться и неподвижно затих... Какие-то люди начинают выходить из троллейбуса, какие-то заходить, переступая через труп, другие спокойно остаются на своих местах и собираются ехать дальше по важным делам. Это не моя остановка, но я поспешно выхожу, я расписываюсь в своем подлом малодушии, я больше не могу, я сдаюсь... Это не мой город! Это не моя страна. Это не моя жизнь. Это не я. Не я. Без меня. Все последующее, пожалуйста, без меня...

Короткие встречи

Таинственные чужие души, каждая со своим вывихом... Странные и нелепые, такие встречи могут произойти, пожалуй, только в Москве.

Но истины ради: было много встреч и бесед совсем иного толка – с людьми, подчас незамысловатыми и не слишком образованными, но в своих жутких безвыходных обстоятельствах, в страдании, нищете, болезни детей или родителей в одиночестве и измене друзей, – сохраняющими такую чистоту, стойкость и верность самим себе – до последней невозможности – что, сравнивая со своей сонной сытостью: боже, какие силы людям даны!.. Увы, подробностей – не помню... Видимо, защитная реакция: так проще...

Поэтому и описываю те, нелепые, что с вывихом...

* * *

...Поздняя ночь. На безлюдном Старом Арбате, где еще два часа назад все кипело и бурлило, замечаю впереди спортивного парня лет восемнадцати в ветровке, джинсах и кедах, надвигающегося на меня развинченной походкой. Я вижу, как шевелятся его губы, что-то беспрерывно бормоча. Он пружинисто проходит мимо меня. На всякий случай я испытываю облегчение. И в это мгновение слышу, *что* он там бормочет: «Сейчас дать бы кому-нибудь в морду, воще был бы счастлив!..»

Внутренне замираю: так вот же он я, за чем же дело стало? Но парень, кажется, так погружен в переполняющее его высокое чувство, что я для него просто не существую!

И осторожно, не делая лишних движений, я уношу себя с глаз долой...

* * *

...Вечереет. На улице оживленная сутолока. Я вылезая из такси и направляюсь к подземному переходу. Мне преграждает путь человек средних лет и, понижая голос, спрашивает, неужто я и в самом деле хочу переправиться на другую сторону улицы. В недоумении киваю. «Идите молча за мной. Я вас переведу». Становится интересно! Спускаемся в переход. Обычно забитый людьми, он производит непривычно пустынное впечатление, лишь группа из пяти-шести парней подпирает стену, тихо о чем-то переговариваясь. «Идите спокойнее. И не смотрите в их сторону». Иду. Вот-вот загадка в высшей степени странного поведения моего провожатого разъяснится! Тут он приводит меня к лестнице наверх – «вам сюда?» – и коротко бросает: «ну всё, значит, довёл», после чего стремительно исчезает в обратном направлении...

Странный род недуга! Или он из посвященных? Гадаю до сих пор...

* * *

Поймать в полночь машину, чтобы добраться до Москвы из Зеленограда – проще простого.

Молодой водитель жестом приглашает меня сесть на переднее сидение, перекидывая с него назад бутылку, торт и два мобильника. Разговорчивый попался.

«Теперь я к любовнице уж не попаду... Такой вот я фаталист! Я из тех мужиков, кто своей жене ни за что ни в чем не признается. Тут, знаешь, надо быть очень хитрым и осторожным! У меня все ловко продумано: подружкам звоню только со второго мобильника, а храню его у матери. А зачем часто встречаться? Еще привыкнешь... Только семье вред. Сегодня меня одна такая к себе зазвала, купил вот бутылку и торт к чаю – совершенно без денег остался! А тут как раз ты голосуешь. Ну, решил срубить немного денег. Теперь уж к ней не успею... Ну и хрен с ней совсем!»

...Когда старенькие Жигули при скорости за 140 начинают мелко трястись и позвякивать всеми своими частями, я все же решаюсь подать голос:

– Слушай, а это обязательно – мчаться с такой бешеной скоростью, да еще все время пристраиваться вплотную к впереди идущей машине? Ведь так можно и...

– Да ты чего, друг! Я ж о твоей жизни пекусь. Не видишь? У нашей машины вообще огней нет!

* * *

Утешая незнакомых плачущих девушек, узнаешь тоже немало любопытного. ...Причину слезоточивости было и в этот раз угадать нетрудно: ссора с «любимым». Ей восемнадцать, и, немного успокоившись, она начинает без разбору болтать и выкладывать, что он замечательный, что ему за тридцать, оружия до зубов, зубы золотые, а деньги пачками разбрасывает. Кто по профессии? – судя по всему, профессией это вряд ли можно назвать, скорее уж призванием. Ее действительно не интересует, чем занимается избранничек? – ну ни капельки. Так он же бандит! – ей-то какое дело: главное, что ласковый. Даже если он этими ласкающими ее руками только что кого-то задушил или распилил? Что тогда?

Ах, какая неуклюжая провокация! И молниеносный ответный удар: «Что тогда? Да ничего! Он перед этим всегда руки моет».

Святая простота и Пилат... Идеальная парочка!

* * *

В московском метро поздно ночью. В вагоне – почти никого. Заходят два милиционера – один молоденький, лет девятнадцати, маленький, тщедушный – соплей перешибешь. Ну, какой из него защитник порядка? Такой, если что, сразу убежит. Зато другой – матерый милиционерище.

Сядутся поодаль. Смех, подначки, какая-то странная возня... Один другого все время пихает, и вдруг – смотрю – сопляк быстро защелкивает на руке матерого наручники, и тут же приковывает его к поручням. Все переглядываются...

Что за милые эротические игры у нашей доблестной милиции!

* * *

В метро бабки рассуждают «обо всех этих жидях». Одна другой говорит: «Так это еще в библии сказано – что русский народ все терпит да терпит, а потом как поднимется – и сметет их всех!»

* * *

Разговорился с молодым агентом риэлтерской фирмы в Москве. Рассказывает: «Прихожу как-то раз с клиентами смотреть квартиру, в которой сдаются две комнаты. Вижу – у хозяйки жуткая болезнь Паркинсона. Чувствую, съемщики начинают колебаться. Тогда я им говорю: «Подумаешь – Паркинсон! вот у Папы римского тоже Паркинсон был – ну и что ж с того, он

даже детей строгал только так!..» И что бы Вы думали? Это их убедило! Сняли квартиру, как миленькие...»

* * *

Находить общий язык с пропойцами легко и приятно. Нет у них ни постоянной внутренней цензуры, ни беспокойства о том, что можно говорить, а что нельзя, как они выглядят и что о них подумают. А сам ты – так фальшив и циничен!..

Уж не этого ли контраста я ищу?

И говорю себе: это могла быть и твоя жизнь. «И я бы мог...»

Первая такая беседа на моей памяти состоялась давным-давно, теплой южной ночью в Крыму – куря папиросу за папиросой, неспешно рассказывал нам, троим друзьям, свою длинную и почти неправдоподобную историю сухонький старик, как он еще до войны наткнулся на клад, но не забрал, ушел воевать, а уж после войны сболтнул кому-то. Те решили все заграбастать, донесли на него, да и затолкали в психушку. Может, клад ему и пригрелся, но о вынесенных им пытках тамошних мастеров заплечных дел от медицины он вычитал явно не у Гоголя и Достоевского. Мы сочувственно поддакивали, малодушно лелея спасительную для нашей совести мысль, что всё-таки это, может, еще и неправда...

Несколько таких встреч конца двадцатого века мне удалось снять видеокамерой.

Вообще-то, устраивать в Москве съемки людей на улице, особенно ближе к ночи, не совсем безопасно – народ попадаетеся разный, но все больше нервный.

Преодолеть свою тягу к подобному, хоть и вполне умеренному риску я не могу: сказывается мое безоблачное детство пухленького мальчишка, занимавшегося одной лишь музыкой и заботливо огражденного от любого риска – получить психическую или физическую травму в детском саду, пионерском лагере или школьном походе...

Рано или поздно маятник всё же дает отмашку.

...Сначала идут сплошь кадры, полные веселого абсурда: в стране очередной кризис, все в лихорадочно-приподнятом настроении, опьяненные радостным, будоражающим кровь предчувствием чего-то ужасного: снова нечего терять, на душе легко, обманутый правительством народ может в который раз расслабиться и получить удовольствие, а так же запировать на просторе, горланя гимн Чуме на слова Сергея Михалкова.

Вот какой-то хмырь: приладил гриф к чему-то вроде здоровенной деревянной совковой лопаты и распевает на потеху многочисленных ротозеев. Нехитрая блатная песенка собственного производства – О Переполненном Мочевом Пузыре – безусловный арбатский хит. Графоманствует с упоением и размахом, в стиле капитана Лебядкина. «Пусть лучше лопнет совесть, чем мочевого пузыря...» – бренчит он с обезьяньими ужимками на этой самодельной совковой гитаре, вызывая взрывы совкового смеха у жаждущей зрелищ публики – и ощущение нереальной абсурдной жути у меня...

Тут же рядом, у театра Вахтангова, солидные взрослые люди самозабвенно играют в «ручеек», а бывшие студенты-актеры Щукинки «травят» похабные анекдоты – начинали они когда-то очень скромно и смешно, а теперь полностью деградировали и вошли во вкус, стали местной элитой, и моя милиция их бережет. Снимать они мне запрещают и ласково требуют триста зеленых «за эксклюзив» Несколько ошарашенный, я возражаю, что снимаю всего лишь для друзей. «А давайте ваши друзья обломаются, а?» – так же ласково отвечают они...

Вот самозабвенно, с прикрытыми глазами, безо всякой надежды на внимание прохожих, женщина с одухотворенным лицом монашки поет: «пусть будет теплою стена и мягкою скамейка, двери закрытой грош цена, замку цена копейка». Лежащая перед ней на земле сумка почти пуста, лишь на дне какая-то мелочь...

У кинотеатра Художественный – совсем еще не старая, видимо, когда-то очень привлекательная женщина, без нескольких передних зубов, в грязном рваном пальто и таких же

отысканных на помойке сапогах, голос с пьяным надрывом... Спрашивает сигаретку. Тут же, почувяв легкую добычу, налетают другие бомжи и просто веселые люди...

Просит не снимать ее лицо. Бывший врач-дефектолог. Квартиру потеряла – финансовая пирамида, махинации, суды... Сын у нее «красавец»... Где он? почему предал? Бормочет что-то о проклятых генах...

«Можно, я расскажу правду? Вы знаете, что со мной было!.. Мы выпили водки, а там был, по-видимому, скипидар. А я пить не умею, понимаете? Я вообще не пьяница. Я немного выпила, а мне стало плохо. Что-то с давлением. Они все ушли и меня бросили, а я вышла и упала... Упала, понимаете? Так стыдно, я в таком виде...»

Мне становится совсем хреново. Чертов папарацци! В душу с сапогами залез, приколот к моей печальной коллекции еще один редкий экземпляр...

Но останавливаться поздно, да и она не против, надеясь хоть чем-то разжиться. Лицо ее одухотворяется, она становится почти что красивой – король Лир, с давно немытыми спутанными седыми волосами, обезумевший от страдания взгляд...

...До восемнадцати жила где-то в глубинке на Волге. «Я все умею. Я умею капать землю. Я могу носить коромысло. Знаете, что такое коромысло? Мама моя всегда говорила: несешь коромысло – иди прямо, красиво, широко расправляй плечи... И я иду, широко расправляя плечи...»

Всё время срывается на высокопарный стиль.

«А искусство жить-то не всем дано... Но главное – я человеком осталась, душа кристально чистая. Я иду по жизни чистыми ногами. Вы знаете, я интеллигентный человек... Я леди! А это – бомжи. Мне просто интересна их психология: откуда берется доброта? Они все люди, в общем-то, добрые...»

Все путает местами, говорит: «женщину спасет только Россия», «голова гниет с селедки»...

И тут же импровизирует длинное напыщенный гимн российской женщине, подвывая в стиле поэта-трибуна:

Не обижайте женщину в России.
Женщина в России – это все.
Дайте ей чуть-чуть силы и руку дружбы.
И она возьмет все, для всех сыновей и мужей.
Она не будет плакать.
Тихо!
Знаете что такое – просто так?
Просто так ничего не бывает.
Просто так – это синь на перекося судьбе.
Руки леди отдайте России!
Тихо, не плачь!
Мужик – дурак...
Знаете, что такое клоака в жизни?
Просто женщина несет все на себе...
Просто – тишина застыла.
А искусство жить-то не всем дано.
Не всем дано. Не всем дано.
В холодной камере – тепло.
О, как умел Роден красиво
из камня высекать огонь и силу,
что движут жизнью на земле!

Да, вспомните весну...

«Моя знакомая – главврач, она говорит: пойдешь вместо меня проверять детские учреждения. Ха! Как я могу пойти? Смотрите, в каком я виде. Нет, они никогда меня не увидят в таком виде! Они с ума сойдут...»

«Я раньше проверяла детдома. Приезжаю – мальчуган стоит, весь сопливый, грязный. Спрашиваю – ты ел что-нибудь? Не-а, отвечает. У меня душа так вся и перевернулась. Беру такси – деньги у меня были – привезла клубнички, ягод, накормила. Сидел у меня на коленях и кушал, кушал, кушал, а потом говорит: знаешь, мамуля, а меня в бассейне топили... Кто топил? За что? Воспитатели. А за что – не знаю...» Потребовала все документы на мальчика, быстро все провернула... Усыновила? И уж не тот ли это «красавец»?..

«А сам-то ты откуда? Из Москвы? Не-е-ет, ты не из Москвы...»

А потом подходит к нам еще одна женщина, помоложе, с чудным светлым лицом, в стеганке и валенках. Просит какую-то мелочь.

Моя первая знакомая внезапно ощетинивается:

– Нет у нас ничего! Ему на всех не хватит, он все на меня потратил!

Оказалась, вторая – тоже бывший врач, жертва других врачей...

– Я не жилец на этом свете, у меня все вырезали – непонятно, как я вообще живу. Знаете, что такое внутренние органы? У меня, почитай, вообще никаких не осталось...

– Ха! Конечно, не осталось – одна водка! Кончай тут театр устраивать. Я сама врач, так что гуляй! Органов у нее нет внутренних... Тебе дали пять копеек – вали!..

Больше я снимать не стал и быстро распрощался.

Через несколько дней мне довелось увидеть ее еще раз, валяющейся в подъезде арбатского дома, – грязную, оборванную, такую страшную при свете дня... Она взглянула на меня мутными глазами, но не узнала...

Я отвернулся. Потом осторожно переступил через нее и пошел прочь.

Москва – Мюнхен, 1999 – 2004